

Галина Логинова

Аз есмь Сущий

Галина Логинова

Аз есмь Сущий

«Автор»

2026

Логинова Г.

Аз есмь Сущий / Г. Логинова — «Автор», 2026

Лиза не выбирала эту профессию. Она мечтает сбежать "на гражданку", ведь никакой романтики в работе следователя нет. Это только в кино все интересно и захватывающе. А в жизни — это рутина, грязь и текучка. Но иногда попадаются дела, которые затягивают. Вот и это дело оказалось не рядовым. Но каким-то уж странно-мистическим. Черный внедорожник с номером, где буквы складываются в неприличное слово, на поверку оказавшийся трактором, за давностью лет не покидающим базу. И так в этом деле все. За какую ниточку не потянешь, всюду тупик. А может, это просто очередной сумасшедший, обиженный на всех водителей сразу, подрезает на трассе машины, скидывая их с дороги? Как бы там ни было, Лиза не намерена отказываться от расследования. Хотя это дело не ее, но следователь, который его ведет ей небезразличен. Поэтому Лиза рада любой возможности увидеть его снова. Ну и природное любопытство не дает ей выйти из игры. Кто этот человек, что примерил на себя образ Всевышнего и решает, кому нужно умереть?

© Логинова Г., 2026

© Автор, 2026

Галина Логинова

Аз есмь Сущий

По этой дороге Кирилл ездил уже не один раз. Она даже успела, говоря по-простому, оскотину набить. Стабильно по вторникам и пятницам каждую неделю он обязательно мотался туда-сюда. Один из объектов, который он вел, как строительный эксперт, находился в сорока километрах от города. Еще немного по «Каширке», потом свернет на Домодедово, и не доезжая города возьмет вправо. А там останется всего ничего.

Последний участок до стройки самый непредсказуемый. Там не асфальт, а грунтовка, если можно так назвать убитую, всю в ямах и выбоинах дорогу, отсыпанную наспех подрядчиком. Может, летом еще и ничего, но сегодня... Не ливень, конечно, но дождь зарядил основательно. Со вчерашнего вечера небо начало хмуриться. Сначала пропало солнышко, хоть до заката еще было далеко. Потом набежали тучи, поднялся ветер.

Кирилл всегда в машине слушал радио. Музыка перемежалась новостями. Периодически диктор рассказывал прогноз погоды. Так вот вчера вечером он обещал ливень с первой в этом году грозой.

Но грозы не получилось. Вместо нее небо пролилось унылым, так похожим на осенний, затяжным дождем. Он лил всю ночь, и к утру за окнами было все так же беспросветно. Часы показывают одиннадцать, а дождь и не думает заканчиваться.

Так что грунтовка к этому моменту, наверняка, превратилась в непролазное месиво. А если подрядчики еще и привозили чего-нибудь на объект. Колесами большегруза, да еще и груженого под завязку они точно «убили» дорогу. Как бы не пришлось ему от поворота целых два километра тащиться по бездорожью пешком. Кирилл попытался вспомнить лежат ли резиновые сапоги в багажнике. Пока таял снег и на дорогах была мартовская распутица, они точно валялись поверх запаски.

Но потом-то стало тепло и сухо, и он мог оставить их в гараже, чтобы не возить лишнее. Правда, сегодня они совсем не лишние. Будем надеяться, что он их все-таки так до сих пор и возит с собой. Потому что тащиться на объект все равно придется. Он должен сделать видеосъемку для отчета. А месить грязь в тонких дорогах демисезонных ботиночках как-то совсем не хочется.

Размышляя о сапогах, Кирилл даже не сразу заметил, что в ста метрах впереди поперек дороги стоит темный внедорожник, перегораживая обе полосы. Авария что ли? Кирилл вдавил тормоз до упора, сбрасывая скорость. Слава Богу, ABS отработала как надо, а то на такой скользкой дороге и улететь недолго. Вон, кто-то уже доездили, похоже!

Машина плавно затормозила. Кирилл взял чуть вправо, объезжая место аварии по обочине. Он бы, конечно, остановился, но очень спешит. Он и так припозднился из-за этого дождя. Полжет по дороге, как черепаха, а видеозапись нужно залить на их рабочий сайт до определенного часа. Так что пусть поможет кто-то еще.

Кстати, что-то на внедорожнике повреждений не видно. Даже если удара не было и машину просто закрутило на мокрой дороге, все равно было бы видно. А тут такое чувство, что он просто неудачно припарковался. Может, сломалось чего? Тогда им и помощь не срочно нужна. А тут хоть и не трасса, но и не глухомань совсем уж. Кто-то, да поможет. Совесть Кирилла может быть чиста, не умирать людей бросает.

Он уже миновал внедорожник, закрывающий обзор. Глаза выхватили двух молодых ребят, одетых в спортивные костюмы и дутые жилетки, со знанием дела пинающих лежащего на дороге мужика. Тот свернулся калачиком, руками закрывая голову от ударов. Еще двое держали вырывающуюся молодую женщину, которая истошно кричала. Ее визг прорывался

даже сквозь закрытые окна. Белокурые волосы растрепались, рукав куртки оторван, а левую брючину покрывает слой придорожной грязи. Видно, и ее уже успели повозить по дороге.

Кирилл быстро оценил свои шансы. Конечно, в багажнике лежит бейсбольная бита как раз на такой вот случай. Но ребята распалены дракой, и похоже, пьяны. Им сейчас все равно кого бить. Один он их точно не остановит, а скорее только разозлит еще больше. А это верный шанс тоже стать жертвой. А на кой ляд ему это нужно? Давно в больнице не лежал? Не до больниц ему, у него работа, и жена, которая только родила. Ему о своей семье нужно думать.

Кирилл нажал на газ и осторожно объехав дерущихся, не останавливаясь направился дальше. Всю дорогу он то корил себя за трусость, то пытался оправдаться, уверяя самого себя, что есть специальные люди, которые должны этим заниматься, то гадал, не будет ли каких-либо последствий лично для него. Ведь он видел драку и не остановился. Попадает это под статью об оставлении в опасности? С другой стороны, вряд ли на этом участке дороги есть камеры. А нет записи, нет доказательств. Слова же к делу не пришьешь.

Резиновых сапог в багажнике не оказалось. Кирилл не помнил, как он их выложил, видимо, сделал это машинально. Только факт остается фактом. Сапог нет, а проехать нерезально. Только «сесть» тут еще не хватало! Конечно, кому машину вытолкнуть есть, на стройке полно рабочих. Но до объекта таких луж с полсотни. Работяги что его машину на руках понесут все два километра? А потом еще обратно. Это вряд ли, пошлют скорее. Ну один раз толкнуть, это куда ни шло. Но корячиться с его машиной час никто не согласится. Так что, хочется ему, не хочется, а идти придется пешком.

Новых, совсем недавно купленных ботинок было жаль. Вязкая глина, размятая колесами большегруза до состояния мокрой кашицы, облепила их со всех сторон, делая тяжелыми и скользкими. Теперь вид у них был настолько непрезентабельный, что Кириллу захотелось тут же вернуться в офис и бросить на стол начальнику заявление об увольнении. Пусть сам по этой грязи таскается!

Но немного поостыв, он все же пришел к выводу, что от столь поспешных действий проигрывает только он. В любом случае, начальник тут же найдет на его место нового дурачка. Свято место пусто не бывает! А вот где он потом найдет столь же необременительную работу, за которую еще и прилично платят? Тем более, что он ничего другого не умеет. А так прокатился до обеда по объектам, в чат потом все выложил и свободен. Нет, нельзя такую работу терять. Тем более, что виноват-то во всем он сам. Видел же с утра, что дождь, знал, куда поедет. Почему же не проверил наличие сапог. Сейчас бы натянул и всех делов. Так что нечего на зеркало пенять, коли рожа кривая.

За всеми этими думами он напрочь забыл недавнее происшествие на дороге. А к обеду и вовсе закутился и уже не вспоминал ни избитого мужика, ни удерживаемую парнями девушку.

Вспомнил о них только к вечеру, когда уже парковал машину на стоянке у дома. Даже, пока шел к подъезду, успел подумать, что все же нужно было остановиться. Там же реально ситуация была патовая. Четверо пьяных парней против двоих, одна из которых женщина. Хотя, с чего он взял, что они пьяные. Просто ему так показалось. Так «показалось» к делу не пришьешь. И потом, он ведь не знает из-за чего весь сыр-бор. Может, там действительно что-то серьезное.

А может, и вообще все было не так, как он себе нарисовал. И парни женщину не трогали, а наоборот, защищали. Возможно, что они и остановились-то только потому, что тот мужик ее бил. Решили заступиться. Вот и попинали его немного. А как еще объяснить уроду, что слабых трогать нельзя? Только на его языке. Отпинали и бросили на дороге, а женщину довезли до города. А урод этот потом очухался и домой поехал.

Эта версия событий понравилась Кириллу гораздо больше. Здесь уже получалось, что он правильно не остановился. Ибо справедливость и так уже восторжествовала. Слабый был спасен, а агрессор наказан. И ему там точно делать было нечего.

Лифт, преисполненный чувством собственного достоинства, чуть помедлил, раздумывая: «А стоит ли вообще этот Кирилл того, чтобы везти его наверх». Потом, видно решив, что уж так и быть, смиловился, неторопливо закрыл двери и с рывком, мол, знай наших и не расслабляйся, двинулся на их восьмой этаж.

Аня была дома. Укачивала дочь. У той постоянно что-то болело. То животик, то резались зубки. За эти четыре месяца после родов, Аня изменилась до неузнаваемости. Она похудела, осунулась. Приезжая домой, Кирилл старался сменить ее на боевом посту, давая ей короткую передышку.

— Капризничает? — Одними губами спросил он. Дочка реагировала на каждый звук.

— Терпимо. — Анна слабо улыбнулась. — Голодный? Там мясо в духовке и салат в холодильнике. Возьмешь сам?

— Конечно. Ты не волнуйся. Я сейчас быстренько поем и возьму Машку. Ты хоть в ванную сходишь.

Видно было, что жена обрадовалась такой возможности, но все-таки ответила: «Ты и так устал. Лучше посмотри телевизор». Как-никак муж с работы пришел, и по умолчанию должен устать. Но он ведь тоже понимает, что она весь день не сериалы смотрела. Машка — хоть и любимая дочка, но капризная, нет сил. Ни минуты одна не посидит. Так что дел у жены непростоворот. И все это с дочкой на руках. Один поход на улицу чего стоит. Сначала лифт дождись, потом, держа Машку на руках, закатай коляску в кабину, после выката, спусти с лестницы, держа дверь одной рукой вытолкай коляску на улицу... А через два часа все то же, но в обратном порядке.

— Да брось. Не так я и устал. Ботинки вот только уделал. Нужно теперь отмывать.

Физически он и правда почти не устал, разве это нагрузки для молодого мужика, а вот морально. Эта история с дракой... Он просто загнал уже сам себя, постоянно думая, какой он плохой, что не остановился и не помог. Нужно, наконец, все забыть, но он не никак не может переключиться.

— Машка уснет — я помою.

— Я сам помою.

Кирилл прошел на кухню, быстро наложил еду, так же быстро поел, сунул тарелку в посудомойку и отправился в детскую, менять жену.

Жена ушла в ванную, а он принялся расхаживать по комнате туда-сюда, держа дочку на руках. У той снова что-то болело, и она кряхтела, сжимала крохотные кулачки и норовила вывернуться. А потом вдруг успокоилась и крепко уснула. Видимо, ее весь вечер мучил животик. Теперь же боль прошла.

Кирилл осторожно положил дочь в кроватку. Машка что-то хныкнула во сне, но не проснулась. Он еще пару минут постоял над кроваткой, глядя на спящую дочку, а потом с пульта убавил свет люстры на минимум и на цыпочках вышел из детской, оставив дверь чуть приоткрытой, чтобы слышать, если Машка проснется. Впрочем, нужды в этом не было. На днях Анна приобрела радио няню, но он еще не привык и по-старинки оставлял щель между косяком и дверью.

Плюхнувшись на диван в гостиной, он, наконец-то, вытянул гудевшие ноги, и шелкнул пультом телевизора. На экране беззвучно открывал рот дородный мужчина в аляповатом пиджаке. Машка приучила жену к тишине. Та, если находит время, даже сериалы смотрит практически без звука.

Мысли вернулись к сегодняшнему происшествию, опять воскрешая в памяти перекошенное от ужаса лицо давешней женщины. Кирилл снова попытался убедить себя, что эти пацаны

в спортивных костюмах спасали ее от того самого избитого мужика, но теперь, отчего-то, это не работало. Умом он понимал, что так красиво придуманная им картинка не имеет ничего общего с действительностью. Что же там произошло на самом деле?

У него был ответ на этот вопрос. Вот только он ему не нравился. У него даже была возможность изменить ход событий. Но он предпочел трусливо сбежать, прикрываясь благородной заботой о жене и дочке. А ведь тому избитому мужику и его спутнице реально нужна была помощь. Это их били на дороге. Даже не били, а убивали. А что еще можно думать, когда толпой на одного и бьют ногами? Их убивали, а он проехал мимо.

Жена уже вышла из ванной и устало опустилась в кресло рядом с ним.

— Кирилл, ты чем-то расстроен?

Если дело касалось его, жена всегда была проницательна. Но не рассказывать же ей, как он трусливо сбежал, когда нужно было помочь людям. Что она о нем подумает?

— Все в порядке. Просто устал.

Он еще часа два переключал каналы, выискивая новости. Кирилл и хотел, и боялся узнать, чем закончилось происшествие на дороге. Он отчего-то был уверен, что если все закончилось плохо, то об этом обязательно расскажут в новостях. Но репортажа не было, и Кирилл окончательно убедил себя, что все обошлось. Мужик тот отделался незначительными травмами, а женщина разорванной испачканной одеждой.

Часть первая.

Странное дело.

Лиза не просто не любила свою работу. Она ее ненавидела. Особенно в дни дежурств. Она лютой ненавистью ненавидела своего начальника. Мало того, что он идиот, так он еще и не слышит никого, кроме себя. Кабинет этот обшарпанный ненавидела. Все здесь было старым, давно изношенным и замызганным. Стулья, которым место на помойке, столы не лучше. А уж допотопный сейф, явно родом из союза, и вовсе вызывал у нее чувство безысходности и тоски.

Ну а толстые тома с делами, запертые в этом самом сейфе и вовсе ввергали ее в ужас. Лиза знала, что их там сейчас ровно двенадцать. И по каждому нужно подготовить кучу бумаг. И сроки везде горят и нужно не забывать их продлять, переносить. А то прокуратура тут же возбудится, кто-нибудь оттуда позвонит ее начальнику. А тот, не разбираясь, кинется махать пашкой. И где найти на все это время, если сегодня она дежурный следователь и обязана выезжать на все происшествия.

И ладно бы она за все свои мученья получала нормальную зарплату. Так нет. Оклад у нее такой, что плакать хочется. А требуют с нее так, словно миллионы ей платят, причем ежедневно.

Сама бы Лиза никогда не выбрала этот ВУЗ. Тоже мне специальность для девчонки – следователь. Она бы лучше пошла в МГУ на журналиста, например. Писала бы сейчас статьи, блог бы вела. Зарабатывала бы нормально. Так, чтобы на хлеб с маслом хватало.

Но разве отца убедишь. Он уперся рогом – университет МВД и все. Подсуетился, где надо, чтобы доченьку любимую точно пропихнуть. А Лизины мечты и желания не в счет. Папа лучше знает. Как он там сказал: «Поработаешь годик, найдешь себе мужика нормального в погонах, один декрет, второй, третий. А там, глядишь, уже и пенсия». Все распланировал, только одного не учел — мужика-то нормального ей искать некогда. Она, как конец месяца подходит, просто переселяется в отдел. Но времени все равно ни на что не хватает. Если так дело пойдет, Лиза аккуратно до пенсии и просидит над бумагами. И сама и не заметит, как жизнь мимо пройдет.

Вон у них уже сейчас колоссальная нехватка кадров. Последние бегут. В некоторых городах области следственные отделы попросту закрылись. Некому работать. Дела в другие города отдают или прикомандировывают кого-нибудь на время. Они, правда, пока еще балансируют на грани.

Но если так дело дальше пойдет, и она сбежит. И так завалена делами под завязку, а помимо этого еще дежурства, усиления всякие. Она, была б ее воля, уже давно бы рапорт подала. Правда, ребята поговаривают, что кадры подобные бумаги не принимают. А если и принимают, то начальник их не подписывает. Но она бы по служебной почте направила. В этом случае, начальнику деваться некуда. Она ведь девчонка, так что ей, слава богу, армия не грозит. А молодых парней именно это удерживает от написания рапорта.

Только одна проблема все же есть. Если уйти, не отработав положенный срок, придется вернуть деньги, потраченные на ее обучение. А у нее таких денег нет. Отец же ей точно помогать не будет. Он в этом случае на стороне МВД. Сам всю жизнь отпахал опером. Дослужился до начальника отдела. А Лиза такой карьеры не хочет. Но разве его убедишь! Сапог – он и есть сапог.

Зазвонил телефон. Ее искал дежурный.

— Полушкина, ты же сегодня дежурный следователь?

— Я. Говори уже, что случилось?

— С чего ты решила, что случилось?

Парня на том конце провода Лиза отлично знала. Она вообще всех в отделе знала, хоть и сидит следствие несколько обособленно, занимая отдельный этаж. Но Ромку знала особенно. Они при встречах не просто здоровались, а всегда перекидывались парой слов, по-дружески подкалывая друг друга. Вот и сейчас, Ромка отлично знает, что дежурит именно Лиза, просто дурачится. А что им еще остается с такой работой. Если ко всему подходить слишком серьезно, можно с ума сойти.

— А то ты просто так позвонил!

В трубке раздался какой-то подозрительный шорох, словно фольгу разворачивали. Едят они там что ли?

— Может, я просто услышать тебя хотел. А впрочем, ты, как всегда, права. Авария у нас. Похоже со жмуриками. Я за тобой машину выслал. Съезди, глянь, чего там.

Машину он выслал. Метнись-ка Лиза за тридевять земель, опиши там все. А то у нее дел мало! Но выбора нет. Она сегодня и впрямь дежурный следователь.

Лизе показалось, что до места аварии добирались часа два, не меньше. Есть же в Подмосковье такие «медвежьи углы». И зачем здесь дорога? Кто по ней ездит? Глухомань кругом, ни деревень, ни других каких строений. Один лес кругом.

Когда она вылезла из теплого нутра машины, совсем не весенний ветер растрепал волосы, проник под тонкую куртку. Ничего себе, весна. Так и околеть можно. С утра еще проглядывало солнышко, а сейчас небо плотно затянуто тучами. Дождь вот-вот хлынет.

Взгляд упал на машину скорой помощи, припаркованную прямо посреди дороги. Сирену водитель выключил, но огоньки на крыше продолжали мигать синим. Дверь была распахнута и внутри на носилках лежал какой-то человек. Его почти скрывали возившиеся вокруг медики.

Обогнув машину скорой, Лиза увидела то, ради чего ее сюда и отправили. Темная иномарка, марку сразу и не разберешь, бампером плотно «обнимала» дерево. Удар был такой силы, что мотор просто вдавился в салон. Одно колесо неестественно вывернуто.

Похоже, водитель гнал не меньше сотки. Это на такой-то дороге. Лиза отметила, что резину он уже успел поменять. Зачем, ведь снег еще даже до конца не стоял. Конечно, синоптики передают потепление на следующей неделе. Но до следующей недели еще нужно дожить.

Лиза хмыкнула сама про себя. Последняя фраза ее размышлений в этом случае звучала слишком уж двояко.

У разбитой машины копошились парни в форме спасателей. При помощи гидравлических ножниц они уже вскрыли покорёженный металл левой двери, видимо, чтобы добраться до водителя, так как водительское место было пусто. Лиза услышала характерный звук. Игорь Борисович, их эксперт, натягивал резиновые перчатки. Парни в форме ГИБДД уже производили замеры, для схемы ДТП. Впрочем, это неудивительно, местные «гаишники» всегда успевают быстрее. И всем здесь понятно, что, приехав на место аварии следователь даст распоряжение составлять схему. Так чего ждать? Следственная бригада пока до места доберется, может пройти много времени.

— Что здесь? — Лиза обратилась ко всем присутствующим сразу.

— Зрелище не для слаонервных... - один из спасателей сделал шаг ей навстречу. — Вы следователь?

— Полушкина Елизавета Александровна.

Парень чуть отступил в сторону, пропуская ее ближе и Лиза увидела... Весь, съеденный обед, стремительно рванул к горлу. Она еле справилась с собой, настолько ужасным было зрелище. Девушка быстро отвела глаза.

— Мы водителя достали. Его скорая забрала. — В этот момент словно по команде скорая взревела сиреной и набирая скорость, двинулась в сторону ближайшего города. — А этих... — Парень указал в сторону разбитой машины. — Время смерти медики зафиксировали. Их можно уже доставать?

— Подождите немного. Я сейчас протокол заполню.

— Только побыстрее. А то у нас еще один вызов.

— Я поняла. Я быстро.

Лиза открыла нужную страницу. Все по шаблону, как ее учили в университете. Осмотр салона, положение тел, подушек безопасности, все, что имеет отношение к происшествию. Почерк из-за спешки был неровным, но сейчас это не имело значения.

Она оторвалась от протокола.

— Можете доставать.

Спасатели приступили к работе, а Лиза перешла к описанию места ДТП. Скрупулезно, аккуратно она описывала все, на что падал взгляд. Осыпь стекла, фрагмент бампера, отлетевший в сторону, взрытая колесами земля...

К ней подошел один из инспекторов ГИБДД.

— Мы закончили.

На Лизу смотрели усталые все понимающие глаза. Парень за годы службы, наверное, уже насмотрелся на подобных лихачей.

— Сильно водитель пострадал? — Похоже, он единственный, кто знает, что произошло на самом деле. Вряд ли здесь окажутся праздно прогуливающиеся. Глухомань, хоть и недалеко от столицы.

— Прилично. Не иначе, как головой приложился знатно. Пока его доставали все чушь какую-то нес.

— Какую чушь?

— Да что-то вроде: «Ровно год... Сегодня ровно год... Это я виноват... Я уехал... Я испугался... Маша... она не виновата...». Я, конечно, все досконально не запомнил, но что-то в этом роде.

И правда, чушь какая-то. Лиза вернулась к покорёженной машине, стараясь не заглядывать внутрь, где все было пропитано кровью. Трупы уже убрали. Сейчас их как раз грузили в специальную машину.

— Елизавета Александровна, можно увозить?

Лиза кивнула. Игорь Борисович суетился тут же, фиксируя следы на машине, состояние дорожного покрытия. Лиза машинально отметила, что на лобовом стекле в том месте, где у автовладельцев обычно прикреплены видеорегистраторы, ничего не было.

На месте аварии бригада провела почти три часа. Пока составили протокол и схему. Пока Лиза опросила свидетеля.

Паренька со странным для сегодняшнего дня именем Ефим и не менее странной фамилией Заковырко, привел к ней тот самый «гаишник», с которым она уже разговаривала.

— Вот, он говорит, что видел момент аварии.

Глаза у парня были темные и какие-то масляные. Под препаратами что ли? Но других-то свидетелей нет. Удача, что вообще хоть кто-то здесь оказался.

— Расскажите, что вы видели?

Парень потоптался с ноги на ногу. Переваливался он, несмотря на внешнюю худобу, как-то слишком грузно, словно заваливаясь то вправо, то влево. Да уж, свидетель! Хотя, алкоголем от него не пахнет. Этот запах Лиза бы сразу почувствовала. У нее сосед квасит так, что мама не горюй. Так он просто пропитался запахом спирта. А здесь просто вонь давно немытого тела и нестиранной одежды.

— Несся он слишком быстро. А тот мужик за ним. Ну, вроде как догонял. А потом в какой-то момент тот его обогнал и затормозил резко. Вот он руль и вывернул. А тут дерево. Удар был такой, что только держись. В машине небось все всмятку?

Кто кого догонял, кто тормозил? Ничего не понятно.

— Ефим, — Лиза заглянула в протокол, где записывала данные свидетеля, — Егорович, давайте все сначала, медленно и с подробностями.

Она чуть отстранилась, чтобы неприятный запах от парня не сражал наповал.

— Так я и говорю, не один он ехал. Гнался за ним кто-то. Машина такая большая черная... — Ага, ты еще скажи: «на четырех колесах». Лучше бы марку назвал. — Стекла тонированные. Там два мужика было вроде бы.

— Так было, или вроде бы.

— Вот здесь точно не скажу. Со зрением у меня не ахти. Читаю только с очками.

Так он еще и слепой. Отличный свидетель. Может, конечно, и врет, но игнорировать его показания Лиза не может. Придется протокол составлять.

— И что дальше было?

— Говорю же, внедорожник этот вперед вылетел. Обошел, значит, вот эту машину. — Ефим указал рукой в ту сторону, где стояла покореженная иномарка. — Почти на обочину выехал, потому что этот, — вновь взмах рукой — их не пропускал. Там грязно, наверное. Дождь ведь вчера весь день лил. Так их занесло, они чуть не улетели в кювет, но водитель все-таки справился. Еще на лобовом стекле собачка прикольная так подпрыгнула, что была бы она не тряпочная, наверное бы веревку оборвала. В общем, обошел, выехал на середину дороги и по тормозам. Дорога-то тут, сами ведите, узкая. Всего-то две полосы. Одна туда, одна обратно. Так он прямо по сплошной ехал. Как его объезжать? Негде. Вот водила видимо и выкрутил руль. Хотел по обочине, может. От столкновения уходил. Но не справился. Понесло его прямо в дерево. Он даже не тормозил. Так на всей скорости и вошел в ствол.

— Так чего ж он не тормозил?

Вопрос вырвался сам собой. Лиза только сейчас поняла, как по-детски он звучит. Но Ефима он не смутил.

— Ну вы спросили! Я-то откуда знаю. Коли выкарабкается, у него и спросите.

— А откуда вы знаете, что он жив.

— Так его в скорую тягали. А баба и ребенок... — Ефим не договорил, пожимая плечами. Мол, что тут скажешь.

— Вы заглядывали в машину?

— Конечно. Хотел помочь. Скорую-то я вызывал. Как положено, набрал 112, сообщил. Трогать их побоялся, я вообще мертвяков не люблю.

А кто их любит? Тем более таких, после ДТП. Лиза уже насмотрелась на своей работе. Теперь в машине всегда пристегивается. Она вообще теперь свято уверена, что всех, кого повторно ловят не пристёгнутыми надо принудительно на ДТП с жертвами отправлять. Это враз решит проблему.

Но вернемся к делу. Что-то ерунда какая-то получается. Это уже не ДТП с летальным исходом, а детектив какой-то. Погоня, преднамеренно подрезанный автомобиль... и эта странная фраза, что водитель не тормозил. Да если тебя с дороги вынесло, ты машинально тормоз до упора выжмешь. Лиза сама хоть и совсем недавно за рулем, но в этом даже не сомневается. Ее один раз занесло на скользкой дороге, так нога сама к тормозу потянулась. Лизе стоило неимоверных усилий ее удержать. В школе вождения инструктор не раз говорил, что нажимать на тормоз, когда машина в заносе, не самый хороший вариант. Иногда лучше, наоборот, газку поддать. Но ощущения свои она помнит отлично. А тут, впереди дерево, а водитель не тормозит. Ерунда какая-то.

— А вот вы сказали, темный внедорожник? Вы разглядели марку машины?

— Чего нет – того нет. Я ж говорю, минус два у меня. Плохо без очков вижу. Но просто так не ношу, только когда прочитать чего надо. Неудобно мне в них. А машины на приличном расстоянии были. Они когда неслись, я вон там на опушке был. — Парень махнул в другую сторону от дороги. Место, куда он указывал, находилось в полукилометре от дерева, в которое въехала машина. Далековато. Глупо рассчитывать, что это Ефим мог разглядеть регистрационный номер, но спросить она должна.

— А номер внедорожника вы не разглядели.

— Нет. — Она так и думала. — Хотя, погодите. Он когда обгонял, его занесло и повернуло так, что он оказался задом ко мне. Там буквы такие интересные были. Я еще подумал, что это как-то неприлично.

— Неприлично? Что вы имеете ввиду?

— Ну, если прочитав все буквы вместе, то слово получается нецензурное.

Ох, похоже, следователь, который будет вести это дело, наместится с Ефимом Заковырко. То ли фантазия у мужика богатая, то ли травка забористая. А может и что-то посильнее травки. Слова ему неприличные везде мерещатся.

А Заковырко оказался проницательным. Похоже, он с легкостью прочел сомнение на ее лице.

— Вы мне не верите? Но я действительно видел эти буквы. «Х», «Е» и «Р». Судите сами. Разве это литературное слово?

Да, уж! Действительно, слово нелитературное. Но на номерах, насколько она знает, не слова, а просто буквы. Хотя, подобные номера Лиза уже видела на улицах городов. Так что это вполне себе имело место быть.

Впрочем, не ее это дело. Пусть потом следователь от ГИБДД разбирается. А ее забота протокол составить, да схему приложить.

— Что еще вы можете рассказать.

— А что еще-то? Я уже все рассказал... Хотя... Мужик этот, водитель, когда я подошел, был в сознании. У него из пробитого лба кровища хлещет, а он пытается что-то сказать.

— И что он говорил?

— Я толком и не понял. Что-то про то, что он трус, не остановился. И еще, что это он виноват. Только он не виноват. Ну, может и виноват в том, что гнал очень сильно. Но в том, что с дороги слетел не виноват. Его подрезали.

Может и так. Только внедорожник этот вряд ли найдут. Вчера весь день шел дождь. Закончился только под утро. Дороги не просохли. Какие уж тут следы. Камер здесь тоже нет.

Так что, зная систему изнутри, Лиза почему-то была уверена, что внедорожник и искать никто не будет. Но и это не ее дело. Нужно быстрее все заканчивать и возвращаться в отдел. У нее своих дел хватает. А сутки от того, что она сегодня дежурный следователь, длиннее не становятся.

Когда Ефим Заковырко оказался от нее на достаточном расстоянии, она с удовольствием вдохнула чистый, наполненный сосновой свежестью, воздух.

Как бы Лиза ни старалась, но забыть ту аварию никак не получалось. Уже прошло две недели, а маленькая девочка, казавшаяся еще меньше в массивном детском кресле, до сих пор снилась ей по ночам. За что ребенку такая судьба, она ведь еще совсем крошка? На вид, чуть больше года. Даже пожить не успела. Какие уж там грехи, за которые пришлось заплатить столь высокую цену? Если они и были, то явно не ее.

Сегодняшняя планерка началась, как обычно. Начальник следственного отдела Кропушкин Сергей Евгеньевич, которого за глаза все в отделе звали просто Кроп, вообще-то мужик неплохой, зря Лиза на него наговаривает. Но это она в сердцах. На отца злиться за то, что он на своем настоял, вот на начальнике и вымещает. Отцу-то ничего не скажешь – это отец. С ним ругаться не хочется. А начальник так-то мужик посторонний, и потом, он ведь об этом не узнает, вот Лиза и ворчит сама с собой. Но, надо признать, он дело свое знает крепко. Вот только когда он не в духе... А по понедельникам с утра он, как правило, не в духе.

В общем, досталось всем. Чего только они не наслушались в свой адрес: и работать-то не хотят, и уволит он их всех, без выходного пособия, и мозгов у них не хватает элементарное дело правильно, без ошибок оформить, а ему потом сиди часами и правь. И много еще чего в таком же духе.

В общем, начальственный пинок был дан мощный и, как только планерка закончилась, все с удвоенным энтузиазмом принялись за текущие дела. Сергей Евгеньевич обычно если расходился, то начальственный пыл быстро не утихал. Так что в ближайшие пару часов лучше ему на глаза не показываться. Но и бездельничать опасно для здоровья. Потому что есть у Кропа такая привычка, когда на взводе ходить по кабинетам сотрудников и проверять работу. Так что к любому может вдруг ненароком заглянуть. И если окажется, что ты в этот момент решил чайку испить.... Даже думать об этом страшно. Сейчас до обеда лучше головы не поднимать. Интересно, кто Кропу с утра настроение испортил?

Но Лизе деваться некуда. Хочешь-не хочешь, а придется предстать пред светлые очи начальника. Они планировали сегодня смотаться в прокуратуру. По Урзуну уже нужно было «возбуждаться». Вот только момент там спорный. То ли 228, то ли 228.1 УК РФ. В общем, нужно было согласовать с прокуратурой по какой статье «возбуждаться», чтобы в будущем не поиметь проблем.

Да еще Урзун этот какой-то непростой. И адвокат у него не местный, а столичный. В общем, они с Кропом решили, что лучше уж подстраховаться сразу, чем потом огребать по полной.

Буквально через двадцать минут после планерки переступив порог кабинета начальника, Лиза буквально «прифигела». От бывшего воинственного пыла не осталось и следа.

— Полушкина, чего там у тебя?

И голос вполне себе нормальный. Прямо мистика какая-то. Первый раз Лиза видит, чтобы Кропушкин так быстро «остыл».

— У меня Урзун. — Лиза потрясла зажатым в руке делом. — Мы хотели согласовать, по какой статье «возбуждаться».

— Я помню.

Сергей Евгеньевич поднял трубку.

— Виктор Семенович, привет. Ты на месте? Мы подъедем? — Он помолчал, видимо слушая ответ собеседника. — Минут через пятнадцать. Да нам не долго. Думаю, успеем. Полушкина, иди одевайся, только быстро. — Это уже к ней.

— Одна нога здесь, а вторая... — Она не договорила.

Когда Лиза вывалила на улицу, она пожалела, что послушала начальника и натянула ветровку. «Иди одевайся!». А на улице уже настоящее лето. Вон как солнце шпарит. Неудивительно, апрель заканчивается. Завтра уже двадцать восьмое. Начальник, как видно, заработался и давно носа на улицу не показывал. Тоже что ли ночует в отделе?

В прокуратуре ожидаемо царила благодатная тишина. Никто не бегал из кабинета в кабинет с неподъемными томами дел. Все чинно, благородно. Каждый занимается своим делом. Вот бы у них так. Но все это — мечты которым не суждено сбыться. А впрочем, нечего завидовать, ни к чему хорошему это не приведет, только настроение себе испортишь.

В кабинете у Виктора Семеновича царила приятная прохлада. Огромный стол почти идеально пуст. Не то что у нее. И это несмотря на то, что все дела, как правило, в сейфе. Но и без них бумаг хватает. А тут просто армейский порядок.

Говорил в основном Кропушкин. Они с Виктором Семёновичем быстро порешали, что все-таки нужно «возбуждаться» по 228.1. Ну что ж, раз начальство так решило... Ее дело маленькое. Она хоть лицо и процессуально-независимое, но до известных пределов.

Кроп отбыл восвояси, а она, раз уж оказалась здесь по другому делу, чтобы потом опять не тащиться, с тяжелым сердцем отправилась к Алевтине Игоревне. Лиза, будь ее воля, никогда добровольно не согласилась бы на общение с этой женщиной. Ох и тяжелый та человек! Но куда деваться? За карточки статистического учета отвечает именно Алевтина Игоревна. Так что общения не избежать.

Когда Лиза, наконец, вывалила на улицу, голова гудела и было стойкое ощущение, что ее запахнули в барабан стиральной машины и хорошенько прокрутили. Но зато все получилось. Дело Алевтина Игоревна приняла, так что на пятьдесят процентов план в этом месяце по раскрываемости Лиза уже выполнила.

В отдел она вернулась, когда нормальные люди обедают. У самого входа в отдел, перекрывая выезд припаркованным автомобилям сотрудников, стояла патрульная машина, в которой сидел тот самый парень из ГИБДД, который на месте давешней аварии подводил к ней странного свидетеля с чудным именем... Как там его, кажется, Ефим Загоруйко? Или она ошибается, и фамилия все же звучала как-то иначе? Нет, не помнит Лиза его фамилию. Вот что имя Ефим, это точно. Лиза кивнула в знак приветствия.

Рядом с пареньком сидел мужчина немного постарше с приятным «породистым» лицом. Прямой нос, широкие скулы, смоляные волосы зачесаны назад. Красивый мужчина. Лизе вообще нравятся мужики, в которых вот этого вот брутального много. А в этом красавчике мужского даже перебор.

Но Лиза не питала иллюзий на свой счет. Такой мужик на нее не посмотрит. Она ведь совсем невзрачная. Не дала ей мать ни роскошных волос, ни фигуры хорошей. На голове короткий ежик, отчего Лиза смахивает на взъерошенного воробья. Но если ее волосы отрастить, получается еще хуже. Густоты им не хватает, объема. А без этого, они висят непромытой паклей возле и без того узкого лица. Уж поверьте, Лиза все, что только можно перепробовала. И каре носила, и под боб стриглась. И не просто боб, а лонг-боб, боб с закругленными кончиками, французский боб, эйр-боб, каскадный боб. Ничего ей не идет. Только вот эта вот короткая стрижка. Она хоть как-то облагораживает ее невзрачное лицо.

Да и фигура подкачала. Скорее субтильная. На ней вся одежда сидит, как на пацане. И сколько Лиза ни ест, как говорят в народе, не в коня корм. Все равно задница такая же узкая,

как и плечи. Да еще и ключицы выпирают, усиливая сходство с воробьем. Так что на подобных мужиков ей рассчитывать нечего.

Как только она поравнялась с машиной, переднее стекло со стороны пассажира опустилось.

— Елизавета Александровна, могу я с вами поговорить. — Красавчик распахнул дверь и выбрался на тротуар. Фигура у него тоже оказалась на высоте. И рост не подкачал, и сложение. Просто шикарный мужик! — Меня зовут Семенов Игорь Артурович. Я веду дело о ДТП на трассе близ деревни Голобоково. Вы ведь выезжали туда, как дежурный следователь?

— И что вы хотите от меня?

— Поговорить. Просто поговорить, без протокола.

Он улыбнулся, давая понять, что его последние слова – шутка, и все очарование тут же растворилось без следа. Да, уж, улыбка подкачала. Она у Семенова была какая-то слишком хищная. Он улыбался одними губами, глазами же словно просвечивая собеседника насквозь. От такой улыбки мурашки по коже.

— Ну, давайте поговорим. Только рассказать-то мне вам нечего. Все, что я могла рассказать, я уже написала в протоколе.

Голос у Лизы был холоднее, чем она хотела бы, но с этим она ничего не могла поделать. Уж очень этот Семенов на нее двояко действует. С одной стороны, он красавчик, каких мало. С другой, эта надменная оценивающая улыбка. Он, наверное, столько баб в постель уложил. А сейчас поди думает, что перед ним настолько невзрачная серая мышка, что даже пробовать не стоит.

Впрочем, чего это она. Он здесь по делу и не более того. Она ведь тоже не планирует служебных романов заводить. Если у нее когда-нибудь и будет парень, то точно не из их среды. Так что в этой части теории отца явно дала трещину.

— Я читал протокол. Там все правильно, но как-то слишком уж казенно. А мне нужно несколько иное. Может, вы позволите мне угостить вас кофе? Здесь за углом кафе, где варят вполне приличный кофе.

Кафе «за углом» обычные «менты» из отдела не посещают. Цены там не соответствуют их зарплате. Уж слишком высокие. Одна чашечка кофе стоит около триста рублей. Форменный грабеж с очаровательной в тридцать два зуба улыбкой. Именно так там улыбаются официантки, широко и отстраненно. Кстати, у этого Семенова улыбка очень похожа на улыбки тех официанток. Такая же профессиональная.

— Кафе за углом? — Лиза не сдержала сарказма, и он прорезался в голос.

Семенов усмехнулся.

— Я понимаю, о чем вы подумали. Я знаю, что там очень дорого. И поверьте, я хожу туда не часто. Но сегодня особый повод. Не могу же я пригласить столь очаровательную девушку в чебуречную напротив. Там же воняет прогорклым маслом и старыми тряпками. Знаете, этот запах, он словно из советских времен. Раньше в каждом кафе можно было увидеть какую-нибудь «тетю Глашу», необъятных размеров женщину в непростиранном переднике, ползающую между столов с такой вот грязной вонючей тряпкой.

— А вы помните советские годы?

Лизе и правда было интересно. На вид она решила, что Семенову около сорока. Но вдруг он значительно старше, просто хорошо сохранился.

— Смутно. Так что, идем?

Похоже, этот красавчик решил, что все же стоит. Он что, тащит в постель всех баб подряд? И все-таки ей были приятны его слова, пусть даже она отлично понимает, что он нагло врет. Ну хорошо, сильно лукавит. Да и кафе это, «за углом», ей нравилось. Она с удовольствием выпьет сейчас чашку хорошего кофе, а не той растворимой бурды, что они покупают в кабинет. Она сегодня носится с утра, как Савраска, все ноги уже стерла, так что чашку кофе уж точно

заслужила. Вот только заплатит она за себя сама. Нужно сразу дать понять этому красавчику, что с ней ему не стоит играть в подобные игры. Лиза не малолетка какая-нибудь, чтобы вестись на столь дешевый развод. Просто работа и ничего больше.

— Хорошо, только я сама за себя заплачу.

— Вы меня сейчас оскорбляете. Вы считаете, я не способен заплатить за даму?

Вид у него и в самом деле был несколько обескураженный ее словами.

— Я не ваша дама. Мы просто коллеги и у нас деловой разговор.

— Я в курсе. Но это не отменяет того факта, что вы женщина, а я мужчина. А я вполне прилично воспитан. Пусть моя юность пришлась и не на советские годы, а уже на разгульные «девяностые», но и тогда действовал принцип, что в ресторанах по счету платит мужчина. И поскольку я мужчина, я считаю это достаточным основанием, чтобы заплатить за кофе. И не спорьте, — добавил он, видя, что она уже открыла рот.

А потом он и вовсе совершил кошунственную вещь. Больше не слушая слов, он быстро и крепко взял ее под руку и повел в сторону кафе.

Лиза попыталась выдернуть руку, но хватка у него была «бульдोजья».

— Что вы делаете, здесь же везде камеры. Потом слухов не оберешься.

— А вы боитесь сплетен? - Похоже, он откровенно смеется. — Это мне должно быть страшно. Ведь если о нас начнут судачить, мне придется на вас жениться.

— Дурак.

Хватка наконец ослабла. Похоже, Семенов не ожидал от нее подобных слов. А чего он ждал? Что она покорно пойдет за ним, как овца на заклание?

— Ну и ну, вы еще и оскорблять можете? Может, вы и матом ругаться умеете? — Он что решил ее окончательно разозлить. Она уже повернулась к нему, чтобы высказать все, что думает, но он примирительно вскинул руки. — Все, все. Обещаю, что больше не буду. Просто у вас было такое серьезное лицо.

Семенов соорудил покаянную рожицу. Вид у него был настолько нелепый, что Лиза неожиданно для себя вдруг рассмеялась.

В кафе Игорь Артурович усадил ее за столик, а сам, не дожидаясь официантку, отправился к барной стойке. Он не спросил у Лизы, что она будет, просто, когда вернулся, сообщил, что он заказал два латте и две порции яблочного штруделя. Мог бы, конечно, и поинтересоваться, что она любит. Но Лиза решила не раздувать из мухи слона. Детей, как говорится, им с Семеновым не крестить. Поговорят сейчас и разбегутся. А штрудель здесь и в самом деле на высоте. А уж кофе любой выше всяческих похвал. Так что — латте, так латте.

— И что же вы хотите от меня услышать, — начала Лиза разговор, когда Семенов сел напротив.

— Расскажите мне про свидетеля. Про Ефима Заковырکو.

Он, оказывается, Заковырکو. А она-то про себя как его только не обозвала.

— И что вы про него хотите узнать?

— Все. Ваши впечатления. Как вы считаете, он не соврал?

— Ну, вообще-то, он мне тоже показался странным.

— А почему вы решили, что я считаю его странным?

— Ну если бы это было не так, вы не расспрашивали бы меня сейчас о нем? Это же логично?

— Логично. И чем он показался вам странным?

Лиза пожала плечами.

— Глаза у него как-то слишком сильно блестели. Хотя от него не пахло. Я имею ввиду алкоголем. Запах как раз от него был. Не слишком приятный. Я помню, что я тогда еще подумала, что он, возможно, что-то курит. Ну, или принимает. Хотя... Речь у него была в целом нормальная и вел он себя обычно. Не дергался, там, не перескакивал с одного на другое.

— И вы поверили его рассказу?

— А почему я не должна была верить? Вполне возможно, что эту машину подрезали.

— Мы провели следственный эксперимент. Не буду утомлять подробностями, но Ефим, вполне возможно, говорил правду.

— Тогда почему вы меня сейчас о нем расспрашиваете? С ним что-то не так?

Семенов помолчал, словно обдумывая, стоит ли откровенничать, или лучше промолчать.

— Да с ним-то, как раз, все в порядке. Живет и здравствует. Наверное. Я его тогда опросил, сразу, как дело принял, и больше не видел.

— Но ведь что-то случилось, раз мы сейчас беседуем.

Игорь Артурович, видимо, решил.

— Понимаете, я этому Ефиму не очень-то тогда поверил. — Семенов замолчал, ожидая пока подошедшая официантка расставит тарелки с шарлоткой и кружки с кофе. Девушка работала быстро и аккуратно.

— То есть внедорожник вы искать не стали? — Спросила Лиза, когда девушка отошла. В душе она знала ответ. Она бы тоже на его месте не стала искать мифическую машину, вполне возможно, выдуманную разбушевавшейся фантазией «свидетеля». У нее и без того хватает дел. И так у каждого следователя.

— А вы бы стали? — Он словно прочел ее мысли.

— Скорее всего, нет.

Семенов усмехнулся.

— Вот и я тогда не стал.

— А теперь что, передумали? Что-то или кто-то заставил вас верить этому Ефиму?

— Именно. Вернее, мне сначала показалось, что машина эта была свидетелем придумана для красного словца. Ну, знаете, темный внедорожник, буквы на номере, которые складываются в неприличное слово. Эффектно же?

— Но теперь вы ему верите?

— Теперь, верю.

— И почему?

— Потому что знаю, что этот самый внедорожник существует на самом деле.

— О, как!

— Более того, он стал виновником еще одной очень схожей аварии, и тоже с жертвами. Только там погибли два парня.

— Это что, шутка такая? — Лиза никак не могла переварить внутри услышанную информацию. Семенов несет какой-то бред.

— Если бы. У меня друг работает в отделе на северо-востоке области. Вот он и рассказал. Это дело сейчас у него в производстве. И все один в один, как у нас. Мокрая пустынная дорога, гонки, обгон, резкое торможение. С той только разницей, что у нас было дерево, а там рекламный столб. Так на машину еще сам щит свалился. А он, между прочим, весит прилично.

— А откуда про внедорожник известно. Он же, как я понимаю, уехал?

— Именно так. Но, насмешка судьбы, а может Божье провидение, кто знает, только и там оказался свидетель. Какая-то женщина из близлежащего поселка. Она каждый день через лес ходит с собакой гулять. Пес у нее породы «Хаски». А ему нужно лапы выгуливать. Вот они километры и наматывают. Она говорит, что каждый день в любую погоду они с псом доходят до дороги и возвращаются назад в поселок. А иначе пес будет выть весь день от скуки. А хаски воют, я скажу вам. У меня сосед по даче такого купил, так мы теперь покой потеряли. Звук — один в один электричка к перрону подходит. Но сейчас не об этом. Так вот, Илья сказал, там километров семь будет. Хорошая прогулочка выходит. Эта женщина и рассказала про внедорожник и погоню. И не верить ей у Лёньки причин не было. Она вполне себе адекватная.

Работает мелким клерком в местной администрации, замужем, двоих детей имеет. Зачем такой врать, или что-то выдумывать?

— И правда, незачем. И потом, детали уж больно совпадают. Не могут же двое выдумать столь идентичные истории.

— Вот и я думаю, что не могут. Я поэтому и устроил следственный эксперимент.

На этот раз усмехнулась Лиза.

— То есть, Ефиму вы не поверили и решили все списать на мокрую дорогу и ошибку водителя. Выбрал не тот скоростной режим, не учел погодные условия... Все понятно. Кстати, как там водитель этот? Его ведь, насколько я помню, в больницу увезли.

— Увезли. Жить-то он будет, а вот соображать, кто знает. Там удар головой слишком сильный. А вы зря иронизируете. Мы ведь уже пришли к выводу, что будь вы на моем месте, и вы бы попробовали все спустить на тормозах.

— А после показаний второго свидетеля, вы вдруг решили найти этот внедорожник. Но это будет непросто.

— Еще как. Даже несмотря на то, что женщина запомнила не только «матерное слово» но и цифры. Внимательная оказалась.

— Так в этом случае найти внедорожник – пара пустяков.

— Как бы не так. — Семенов сделал большой глоток уже почти холодного кофе. — Вы ешьте, а то все остынет. Я сначала тоже обрадовался. Сейчас прогоню по базе номер, съезжу к владельцу машины, потолкую.

Он замолчал, ковыряя десертной ложкой штурдель.

— И... — Поторопила его Лиза.

— А что «и»? Номер этот по документам висит на тракторе, который вот уже как год с базы не выезжает по причине ветхости. Сломался трактор, а чинить слишком дорого. Вот его и поставили до лучших времен. Списать не могут, так как его починить можно. А починить нельзя, так как денег нет. Такой вот замкнутый круг. Я съездил на эту базу, проверил, трактор в наличии, правда не заводится, но номера на месте. Я даже с бывшим водителем поговорил. Он сейчас на другой пересел, поновее. Говорит, трактор стоит уже больше года.

— Это что же получается, на внедорожнике номера фальшивые. «Двойник»?

— Получается, так. И как теперь искать этот внедорожник, я ума не приложу. Вот и подумал — вы-то Ефима первая опрашивали, сразу по горячим следам. Может он поведал вам что-то такое, что потом забыл, или не посчитал существенным?

Лиза на минуту задумалась, вспоминая тот разговор.

— А знаете, было в его словах то, что меня тогда царапнуло. Но это касается не внедорожника. Ефим сказал, что, когда водителя понесло в дерево, он не тормозил. Странно это. Если ты водитель, то даже сидя на пассажирском сидении при возникновении препятствия, машинально ногами в пол упираешься, пытаешься тормозить несуществующим тормозом. А тут он в дерево летел на полной скорости.

— Интересно. Мне Ефим об этом не говорил. И что вы об этом сами думаете?

— Не знаю. Может, тормоза были неисправны.

— Нет. Ничего такого эксперты не установили.

— Тогда, может, его чем-то опоили?

Семенов на миг задумался.

— Как вариант. Надо будет медиков поподробнее расспросить.

— И еще. Ефим в рассказе упомянул, что у внедорожника на лобовом стекле висела собачка. Можно попросить ее описание. Вдруг она какая-то необычная.

— Стояла? Такая рыжая с головой на пружине, которая раскачивается в такт движению?

— Нет, именно висела. Потому что он сказал, что она так сильно дернулась, что будь она тяжелее, веревка бы оборвалась. Этих рыжих собак миллионы, одинаковых. Их штампуют где-то на фабрике. Это не примета. А вот пес на веревке может быть и оригинальным.

— В любом случае, у нас больше ничего нет. Так что стоит попробовать. Не хотите вместе со мной отправиться к этому Ефиму. Правда, придется ехать в столицу.

Лиза вспомнила свои планы. Подготовить документы по Узуну, поправить протокол выемки документов по еще одному делу. Ну и так по мелочи – напечатать сотни бумаг, которые никто за нее не сделает. Но Семенов умеет заинтересовать. Лиза уже почувствовала азарт.

— Хорошо.

Знала она за собой эту особенность. Когда дело увлекало ее какой-нибудь загадкой, она теряла сон и аппетит. Еще со школы. Однажды в шестом классе ее сделали редактором стенгазеты. Это, наверное, был последний год, когда стенгазеты в школах еще существовали. Авторская стезя, а писать статьи пришлось самой, так как желающих не находилось, настолько увлекла Лизу, что та ночами напролет просиживала над новым выпуском, оформляя заголовки, иллюстрируя тексты, подбирая темы поострее.

Перегорала она так же внезапно, как и увлекалась. После стенгазеты был кружок лепки, потом попытка выучить английский, участие в театральном кружке. И даже столь удачная сыгранная роль Кончиты, после которой их худрук Литиция Савельевна Рогожская, в прошлом актриса одного из столичных театров – не из первых, но все же – прочила ей будущее на подмостках, не сыграла роли. К тому времени Лиза уже перегорела и переключилась на что-то другое.

И сейчас это врожденное любопытство сыграло с ней плохую шутку. Лиза знала, что завалена делами, что у нее столько работы, что под конец месяца придется оставаться ночевать в кабинете и все равно у начальника найдется, к чему придраться. Но это будет потом. А сейчас ее заинтересовало это дело, к которому сначала она не проявила никакого интереса.

А может, здесь дело вовсе не в деле, а в следователе, который его ведет? Сколько бы Лиза не пыталась убеждать сама себя, что такой импозантный мужчина явно не для такой простушки, как она, все было бесполезно. Ей понравился Семенов... ну и, конечно, душа требовала ответа на загадку, связанную с внедорожником.

— Тогда, едем. Правда, он почему-то на телефон третий день не отвечает. Но будем надеяться, что поставил на беззвучный режим и просто не слышит. Авось, застанем его дома. Ему и ходить-то некуда, если только к матери. А так, он нигде не работает, живет случайными заработками, да подачками «друзей». А вообще, странный мужик. Уж не знаю, что он употребляет, но, когда я с ним встречался алкоголем от него тоже не пахло.

— Я тоже не почувствовала запах алкоголя. Просто вонь немытого тела. Но глаза были уж слишком масляные. Хотя, кто его знает. Может, он просто, как сейчас говорят, не нормотипичный.

Игорь Артурович сделал знак официантке, чтобы та принесла счет. Как только девушка положила перед ним кожаную папочку, Семенов, даже не заглядывая туда вынул две тысячные купюры и кинул их поверх. А он явно соврал, что здесь не частый гость. Похоже, он здесь завсегдатай, иначе, откуда так хорошо знает их цены. Баб сюда, наверное, постоянно водит! Эта мысль болезненно отозвалась где-то внутри. Словно она вдруг стала не просто Лизой Полушкиной, а одной из многих.

Но Семенов уже поднялся и решительно двинулся к выходу. Лиза подхватила свою сумку с документами и поспешила за ним.

По заверениям навигатора, еще час назад стоявший в плотной пробке проспект, сейчас летел с максимально разрешенной скоростью. Заторы в столице вообще вещь непредсказуемая. Иногда возникают как «из воздуха». Просто какой-нибудь — даже слова не подберешь, как назвать подобного водителя — вдруг забывает, что в школе вождения ему говорили в самом начале обучения — «самая безопасная скорость — скорость потока», и начинает плестись, как беременная черепаха. Другим приходится объезжать, задерживая соседний ряд. И так далее. В итоге образуется затор.

Нет, всякие аварии и ремонты дорог тоже добавляют проблем. Но от этого никуда не деться. А вот человеческие глупость и непрофессионализм величины переменные. Но влияют на пробке в равной мере.

К дому, где проживал Ефим со смешной фамилией Заковырко, они доехали всего-то за тридцать семь минут. Если учесть, что до города добирались где-то полчаса, то столица сегодня просто летела. Правда, жил Ефим сразу за МКАД, но тем не менее.

— А кстати, вы не знаете, что этот Ефим делал на загородной трассе в Подмосковье? Ну, если он в столице живет. Далековато от того места, где авария произошла. Так почему он оказался именно в то время и именно в том месте? Вы его спрашивали?

Лизе только сейчас это пришло в голову. Ладно та женщина, которая по словам друга Семенова видела другую аварию. Она с собакой там гуляла. Ее поселок относительно недалеко. А Ефим? Собаки с ним во время аварии не было. По крайней мере, когда она его опрашивала, у него в руках ничего не было, ни поводка, ни даже сумки какой. Так что он там забыл?

— Конечно, спрашивал. Он там к станции шел, через лес, чтобы путь срезать. У него мать живет недалеко. Вот он, когда: «совсем край», это его собственные слова, мотается к ней денег занять. Она пенсию получает — у нее всегда есть. Это тоже с его слов.

— Лихо. То есть, он молодой мужик, бежит к пожилой мамке, чтобы поесть, да еще и денег у нее выпыганить?

— Получается так. Но мы же не его моральный облик обсуждаем.

— Вот здесь вы правы.

Семенов уже нажал номер квартиры на домофоне и теперь они слушали гудки. Открывать им дверь никто не спешил.

— И что будем делать? — Лиза понимала, что так может быть, но признавать поражение не хотелось. Ответы на вопросы нужны были здесь и сейчас, иначе ее любопытство не уймется.

— Подождем. Возможно, он просто в магазин выскочил.

Минуты тянулись томительно, но Ефим не показывался из-за угла. Зато щелкнула дверь подъезда, выпуская женщину с коляской, в которой спал розовощекий малыш.

Семенов кинулся помочь, а Лиза придержала дверь. Когда молодая мамочка вышла, они, не сговариваясь скользнули в подъезд. Лифт, пропахший кошачьей мочой и прокисшими щами привез их на шестой этаж. Здесь к и так уже тошнотворному запаху, прибавился аромат давнишнего перегара. Кто-то из жильцов подъезда заботливо установил импровизированную пепельницу — обрезанную с одного конца жестяную банку от пива — на подоконник. Вот только когда курил, не утруждал себя открытием окна. А может, боялся сквозняков. Лиза прикрыла нос и рот рукой, думая о том, что теперь этот противный запах вьется в одежду и она еще долго будет вонять этим грязным подъездом. И как только тут люди живут? Это ведь не так далеко от центра.

Дверь в квартиру Ефима Заковырко была вовсе не металлической, а под стать остальному антуражу. Такая же облезлая, некогда обитая дерматином, из-под которого через прорехи во все стороны лезла подкладка из какого-то дешевого утеплителя. Лиза давно уже не видела таких дверей. На месте, где у нормальных людей должен был быть звонок, зияла дыра в бетоне, из которой торчала пара проводов.

— Придется стучать.

Было видно, что Семенову совсем не хочется касаться руками грязного дерматина. Впрочем, желание ничего не касаться здесь руками было и у самой Лизы.

Все же Игорь Артурович решился. Он уверенно, по-хозяйски ударил кулаком по двери. Дверь тут же отреагировала на его удар. Она попросту открылась, оглашая площадку противными скрипом несмазанных петель. Замок оказался не заперт.

Нехорошее предчувствие поселилось где-то внутри. Прошли те времена, когда двери в квартирах держали нараспашку. Столичные жители уже давно запираются на все замки даже на последних этажах высоток.

Конечно, можно было сделать скидку, учитывая личность самого Ефима. Лиза вспомнила его бегающие блестящие глаза. Такой может и как его зовут забыть, не то, что замок оставить открытым.

Подобные мысли, похоже, пришли и Семенову. Он распахнул дверь до конца и крикнул вглубь квартиры.

— Ефим Егорович, можно к вам. Нам нужно задать вам еще несколько вопросов.

Но Заковырко не спешил отвечать. То ли спал настолько крепко, что не слышал, то ли и впрямь утопал куда-то, забыв запереть дверь.

— Ефим Егорович, вы дома?

Замок на противоположной двери лязгнул, и створка приоткрылась, оставшись на цепочке. В щель выглянул старческий любопытный глаз.

— Чего разорались на весь подъезд? Ходюте тут день и ночь, покоя от этого Фимки нет. Сейчас милицию вызову.

Голос у бабушки был скрипучий, «с трещинкой», словно застиранный. Да и сама она выглядела древней старухой. Лиза про себя решила, что ей не меньше девяносто.

— Полицию. Милиции, бабуль, давно нет. — Повернулся к ней Семенов.

— Чего? Поговори еще у меня тут. О еще и бабу с собой притащил. Вы не мыльтесь, жить у Фимки не будете. Я если вас еще раз на площадке увижу, враз его тетке позвоню. Квартира ее. Она вас минтом отсюда намахает. А то взяли моду.

— Женщина, успокойтесь. Мы не собираемся тут жить. Нам нужен Ефим Егорович по важному делу. — Лиза решила взять разговор в свои руки.

Но старушка не дала сбить себя с толку. Она уже нарисовала в голове картину развития событий, и отказываться от нее не намеревалась.

— Знаю я ваши дела! Пить, да, прости господи... Ты бы домой шла, проשמандовка. И как только не стыдно.

Лиза аж задохнулась от возмущения, а Семенов коротко усмехнулся.

— Ошиблась ты, бабуль, с выводами. Мы сюда не пить пришли. Мы из полиции. Нам нужно задать Ефиму Егоровичу несколько вопросов.

— Из полиции, — сбавила обороты старушка, — а ну покажь «ксиву»?

Семенов снова усмехнулся и подойдя к самой двери бдительной бабушки привычным жестом вынул из внутреннего кармана удостоверение и, развернув, сунул старушке под нос. Та читала долго, беззвучно шевелила губами. Наконец повернулась к Лизе.

— А твое? — Лиза встала рядом с Игорем Артуровичем и тоже достала удостоверение. — И правда из милиции, — сказала та, изучив документ. Полицию она, похоже, не признавала. — Извиняйте тогда, что накричала и обозвала. Вы уж на бабуку зла не держите. Я ведь думала... Устали мы уже от Фимкиных постояльцев. Постоянно шум, ор, гам. Еще и вонь эта. Во, и сейчас воняет на весь подъезд.

А ведь действительно воняет. Такой сладкий, тошнотворный запах. Лиза уже нюхала такой раньше. Это же... И запах этот шел из квартиры Ефима.

Семенов первым кинулся в квартиру, за ним Лиза. Бабулька отстала, так как ей понадобилось время, чтобы снять цепочку.

Внутри квартиры запах усилился, становясь слишком навязчивым. Лиза его узнала. Она уже раньше чувствовала подобный запах...

Ефим Егорович Заковырko был дома, но он не мог им ответить. Толстая веревка кольцом огибала его шею, поднимаясь к крюку от люстры. Голые, давно не мытые, уже окоченевшие ступни болтались в полуметре от пола. Рядом лежала перевернутая табуретка.

На первый взгляд все выглядело как классическое самоубийство. Лиза взглянула на Семенова. Он уже поднес трубку к уху. Сзади причитала бабушка.

— Ой, Фимка! Что же ты натворил-то? Такой молодой, жить еще, да жить. А ты чего удумал? В петлю полез. Вот дурак, как есть. Чем тебе жизнь не угодила? Все есть, квартира своя, руки-ноги целы, здоров. Иные вон в лежку лежат и то руки на себя не накладывают...

Крепкая старуха. Другая бы сознание потеряла при виде подобного зрелища. А эта орет, как Иерихонская труба. Вон, уже двери захлопали. Привлеченные криком на площадке начали собираться люди. Кто-то уже заглядывал в квартиру.

— Что там, Аркадьевна?

Лиза мигом оценила обстановку, и потащила старушку на выход.

— Так, граждане, не толпимся. Выходим, выходим. Нечего тут следы затапывать. Сейчас следственная группа приедет.

Какой-то дедок ухватил за руку Аркадьевну.

— Что с Ефимкой-то? Ай, отравился чем?

— Хуже, Матвей. Повесился он. Как есть, повесился. Я своими глазами видела. Висит, сердечный.

— Значит, так мне тысячу и не отдаст.

— Да ты что, Матвей! Окстись! Повесился парень, а ты про деньги.

— Так пенсия-то не резиновая. А он сказал, что через неделю отдаст. А сам вон чего учудил. Может, ты ошиблась, Аркадьевна, и это вовсе не Фимка?

— А кто? Квартира его.

Старики, похоже, были глуховаты, поэтому говорили слишком громко, чтобы слышать самих себя. А иначе чем объяснить тот факт, что Лиза продолжала слышать этот примитивный диалог, хотя давно вернулась в квартиру.

Семенов уже убрал телефон и, натянув резиновые перчатки, осторожно осматривал труп, пытаясь определить по странгуляционной борозде сам Ефим полез в петлю, или же был кем-то удушен, а самоубийство было лишь инсценировкой.

Первыми прибыли медики. Они зафиксировали летальный исход и почти сразу уехали. Группа подтянулась позднее. Эксперт тут же приступил к работе, а дежурный следователь подошел к ним.

Семенов быстро рассказал, зачем они приехали в квартиру Ефима Егоровича Заковырko, при каких обстоятельствах обнаружили труп. Следователь записал их телефоны и они, наконец, спустились на улицу.

Пока шли по двору, Семенов молчал. Заговорил он только когда их машина уже вырулила на проспект.

— Я, конечно, не специалист, но Заковырko, по-моему, задушили, и только потом засунули в петлю.

— То есть, вы хотите сказать, что его убили? - Лиза, до этого смотревшая в окно на проносящиеся мимо дома, повернула голову к Семенову. — Но кто?

- Вопрос правильный, вот только ответа на него у меня нет. Более того, Ефим Егорович, при его образе жизни, очевидно, не был ангелом. Поэтому нельзя отбрасывать версию, что его могли убить, так называемые «друзья».

— Значит, мы с вами снова на том самом месте, с которого начали?

Игорь Артурович неопределенно пожал плечами.

— Что ж, придется просить Илюху устроить мне встречу со второй свидетельницей. Глядишь, и получится выудить еще хоть что-нибудь, за что можно будет зацепиться.

У отдела Семенов вышел из машины вместе с Лизой.

— Спасибо вам.

— За что?

— За то, что не послали сразу.

Лизу чуть улыбнулась.

— Если что-то выясните, позвоните. Мне интересно.

— Обязательно. — Семенов открыл для нее дверь отдела. — До встречи!

Лиза надеялась, что эта встреча обязательно состоится.

Часть вторая.

Все не так.

Боль не отпускала. Она словно вгрызлась, въелась глубоко в плоть и рвала тело на части. И хотя настоящая физическая боль почти прошла, оставив лишь нудное послевкусие, душевная боль не отпускала. Она была почти осязаемой, и такой сильной, что от нее хотелось лезть на стены и быть волком.

Он знал, что никакое время не заглушит этой боли. Даже если пройдет сотня лет, эта боль будет с ним, терзать его все с тем же настырным пылом. *«Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек!... Для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева?»*

Там, в больнице, когда он только очнулся, у него еще была надежда. Надежда на то, что все еще может быть, как прежде. Тело ныло от многочисленных переломов и ушибов. В голове шумело и из-за сломанных ребер было тяжело дышать.

Но физическая боль рано или поздно притупляется или и вовсе проходит. Это он знал не понаслышке. Он перенес несколько операций, но был жив. И даже относительно здоров, насколько это было возможно. Врачи не боги, но они сделали все возможное. Ему они могли помочь, потому что он был жив.

Душевная же боль не лечится таблетками и мазями. Никакая операция здесь не поможет. Эта боль останется с ним до самого конца.

Когда он только узнал... он выл на кровати, как раненый зверь. Его держали всем отделением. Тогда он не хотел жить, потому что больше не было того, ради чего стоит жить. Эти нелюди на дороге не убили его физически, но убили морально.

Выйдя из больницы, он учился жить заново. А для этого нужно было найти цель, то, что поможет зацепиться на земле. И он ее нашел. Он нашел то, что позволило бы ему и дальше дышать.

Ничего уже не будет как прежде. Он уже никогда не сможет улыбаться. Эта боль не пройдет никогда. Но он будет жить, потому что теперь у него есть для чего жить.

А потом... когда все закончится... Потом будет видно. Или он научится жить с этой болью, или... Но сейчас он точно знает, что будет делать.

Лиза и ждала, и боялась этого звонка. Прошла уже неделя после их с Семеновым поездки к Ефиму Заковырко, а звонка так не было. Это одновременно вызывало и какую-то непонятную злость и смутное облегчение.

Сама себе она признавалась, что хочет, чтобы он позвонил. Семенов был именно тем мужчиной, который... Вот здесь варианты в ее голове разнились. То, в порыве откровенности, она готова была признаться, что он ей действительно понравился. Что он именно тот мужчина, с которым она хотела бы отношений. То же думала, что лучше бы он не позвонил, так как продолжи они общаться, и она, через какое-то время, начнет вешаться ему на шею. Конечно, не в открытую, но это будет заметно. Со стороны чувства почему-то особенно заметны, Лиза это точно знает. Про нее пойдут сплетни.

В том, что Семенов не ответит ей взаимностью, Лиза даже не сомневалась. Она же не глупенькая девочка, чтобы тешить себя иллюзиями. Она прекрасно видит собственное отражение в зеркале. А с зеркалом Лиза никогда не дружила.

Так что для Семенова она так и останется просто коллегой. И лучше все завершить первым знакомством, чем стать впоследствии той самой сотрудницей, которая «просто сохнет по нему, несмотря на то что ему она откровенно не нужна». Лизе была невыносима мысль, что про нее будут судачить за спиной. А уж то, что сам Семенов будет смеяться с приятелями, обсуждая ее чувства к нему. А он будет. Мужики так устроены. Ему обязательно захочется похвастаться перед друзьями, что Лиза бежит за ним.

Такого удовольствия она ему не доставит. Но сдержаться будет непросто. Лиза знает, что у влюбленных и отвергнутых женщин в глазах появляется нечто такое... Этот взгляд ни с чем не спутаешь. Она сама не раз его видела у других девушек и в институте и потом на работе. Они могут вообще ничего не говорить о своих чувствах, могут держаться вполне себе твердо. Но все равно рано или поздно их влюбленность становится предметом общественного обсуждения «за спиной». И кто является объектом этой односторонней любви, тоже выясняется очень быстро.

Почему это происходит — Лиза не знала. Но это всегда срывает. А она не хочет оказаться на их месте. Поэтому, будет лучше, если Семенов сейчас навсегда пропадет из ее жизни.

Но он позвонил. Это случилось во вторник вечером. Телефон зазвонил, когда она уже шла к метро. Лиза взяла трубку, даже не глядя на дисплей, уверенная, что это Кропушкин. Полчаса назад она сдала ему дело на проверку. Наверное, он нашел там кучу ошибок, и сейчас потребует, чтобы она вернулась в отдел.

— Да, Сергей Евгеньевич. — Голос у нее звучал устало. Может, бросить уже все это, и написать рапорт. Что она себе работу не найдет? Пойдет куда-нибудь юристом, или и вовсе сдаст квалификационный экзамен и станет адвокатом. По крайней мере, не будет ночами сидеть в отделе и оформлять дела. А то подрывайся по первому звонку, как крепостная.

— Здравствуйте, Лиза. Это не Сергей Евгеньевич. — В голосе слышалась легкая усмешка. — Вас беспокоит Семенов Игорь Артурович, если вы такого еще помните?

Сердце пропустило удар.

— Я вас помню. — Лиза призвала на помощь все свое актерское мастерство, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально. — Вы что-то выяснили?

— Даже не знаю, что сказать. Дело становится все интереснее. Может, встретимся сегодня, посидим где-нибудь?

Вот оно. То, чего Лиза и ждала, и боялась. По телефону еще можно быть отстраненной и почти равнодушной. В крайнем случае, свой интерес всегда можно прикрыть делом. А при личной встрече? Как скрыть надежду и ожидание в глазах. Но ответить отказом она тоже не может. Тогда любопытство просто раздерет ее изнутри.

— Я только вышла из отдела.

— Вы поздно.

Поздно? Это она сегодня рано. Всего-то одиннадцать. Бывали дни, когда Лиза часа полтора вздремнет прямо в кабинете на продавленном диванчике. А всю остальную ночь работает.

— Нормально.

— Тогда подождите меня минут десять. Я недалеко. Заберу вас и отвезу домой. А по дороге мы где-нибудь поужинаем.

Лиза колебалась всего секунду. Любопытство победило здравый смысл. Не признаваться же самой себе, что любопытство — это почти предлог.

— Хорошо.

Кафе было недорогим, но вполне себе уютным и чистеньким. Лиза с удовольствием откинулась на подушки на мягком диванчике, предоставив Семенову самому сделать заказ. Он только уточнил, рыбу она хочет или мясо.

Ноги гудели после целого дня беготни по кабинетам и инстанциям. А виноваты во всем родители. Тоже мне перспективка. Она вспомнила слова матери: «Дочка, папа дело говорит. Поступить он поможет. А работа? Устроит тебя в какой-нибудь отдел, под начало своего приятеля. А там годик поработаешь, и замуж выскочишь. Один декрет, второй, третий, а там уже и пенсия. Уволишься и иди куда хочешь». И она в ту же дудку. Знакомая песня, где-то Лиза ее уже слышала. А теперь что? Годик! Так Лиза уже два отпахала. Именно отпахала. И что-то замужества пока не планируется, а детей и подавно. Да она помрет раньше, чем замуж выйдет. С такой работой ей даже в парикмахерскую сходить некогда. Про салоны она уже и молчит. Вон ногти какие, стыдно руки показать. Но если она запишется на маникюр, Кропушкина удар хватит. Вы, конечно, скажите – в выходной. Так нет у Лизы выходных. Пашет, как ломовая лошадь. И не она одна. Все в отделе. Некомплект огромный. Людей не хватает, вот и приходится работать за себя и за того парня, да не одного, а двух, трех...

Семенов сделал заказ, дождался пока официант отойдет от из столика и поднял глаза на Лизу.

— Вы сегодня устали? Много работы?

— Что, плохо выгляжу? — Лиза пожалала плечами, мол, что тут объяснять, вы и сами все знаете.

— Выглядите вы чудесно, просто, профессия, которую вы выбрали — не женская.

— Вот еще! — В душе Лиза была с ним согласна. Она и сама совсем недавно размышляла о том, чтобы сменить сферу деятельности на кардинально противоположную. Но это она сама. А у Семенова нет такого права.

В его глазах она увидела смех. Он читал ее, как открытую книгу, и это разозлило девушку.

— Давайте ближе к делу. По телефону вы дали понять, что у вас есть новости.

Он усмехнулся уже в открытую.

— К делу, так к делу. Новости действительно есть. Я нашел наш внедорожник.

— Нашли? — Лиза и впрямь была удивлена. За столь короткий срок найти машину с поддельными номерами.

— Ну, как нашел. Я выяснил, что эта самая машина два месяца назад поучаствовала в еще одном ДТП.

— Таком же?

— В том-то и дело, что нет. Вполне себе обычное дело. На дороге в городе столкнулись две машины. Слегка поцарапали друг другу бампер и крылья. Вызвали ГИБДД, составили протокол и разошлись почти друзьями. Но по сводке прошло. Я просматривал данные за последние полгода и вот, собственно...

— И что мы теперь будем делать? — Это «мы» вырвалось непроизвольно. Лиза уже готова была зажать рот рукой. Это его расследование. Она-то тут с какого бока? Но Семенова, казалось, это «мы» вовсе не смутило.

— Мы поговорим с инспектором ГИБДД, который выезжал на это ДТП.

— И где мы его найдем?

— А не надо никого искать. Я его уже нашел. Он через пару минут будет здесь.

Инспектором ГИБДД, выезжавшим на то самое ДТП, оказался совсем еще молодой парень с курносый «рязанским» носом картошкой и рыжим вихром на затылке. Он крепко пожал руку Семенову и чуть смущаясь коснулся Лизиной ладошки.

— Семен Аничкин. Мой начальник сказал, что вы хотите со мной поговорить?

Парень явно был на дежурстве, так как одет он был в форму, а к кафе подъехал на патрульной машине. Минуту назад через небольшое окно вплотную к которому стоял их столик, Лиза наблюдала, как Семен Аничкин припарковался недалеко от входа.

— Здравствуйте, Семен. Спасибо, что нашли время. Мы действительно хотели расспросить вас о парне, который не так давно стал участником ДТП. Вы выезжали на место. Здесь недалеко, улица Слободская, черный внедорожник с номерным знаком: х 123 ер.

— Я помню этот номер. Прикольный такой. Вот только ничего про парня рассказать не могу.

— Но вы же общались с водителем?

— С водителем – да. Только там за рулем женщина была. Миловидная такая. Заикалась еще немного. Не критично, скорее от волнения.

А действительно, почему они с Семеновым решили, что водителем внедорожника должен быть мужчина. Слишком агрессивная езда? Подобные импульсивные действия больше присущи брутальным парням. Его подрезали, он завелся, рванул в погоню, ну и все окончилось – как окончилось. Ага, и так два раза!

Но аварии не похожи на спонтанные действия. Тогда бы его быстро нашли, поскольку подрезать могут где угодно, а, например, в городе, людей полно даже на окраинных улочках. Скорей уж продуманный план. Он же не делает этого в людных местах. Вот только, как этот тип, кем он ни будь, мужиком или бабой, выбирает себе жертв? Он в принципе на всех людей обижен? И как только подходящая ситуация – пустынная загородная дорога, отсутствие других машин и строений по обочинам, что означает безлюдность – устраивает аварии? Или он не любит только людей за рулем? Почему? Был неприятный опыт общения? Или же он просто развлекается? Но тогда, опять же, людей он не любит, так как ему наплевать, кто может быть в машине. Какая-то странная вырисовывается картина.

— А во второй машине?

— Вот там был парень. Лет двадцать шесть. Кстати, виновникам аварии была именно женщина. Она на зеленую стрелку рванула, не пропустив тех, кто следовал прямо на зеленый. Думала, наверное, что успеет. Но, не вышло.

— И как она себя вела?

Аничкин пожал плечами.

— Да нормально вела. Не скандалила, как некоторые дамочки за рулем... волновалась – это да. Но ведь любая авария для участников стресс. Ты хоть и не виновен, но понимаешь, что теперь придется побегать с бумагами. Да и машину нужно восстанавливать. Вот и она волновалась. Говорила что-то типа: «Вот я растяпа, сама себе проблем сотворила».

— А машина на нее была оформлена?

Аничкин на миг задумался.

— Не на нее. На другого человека. Владелец Пудовкин Игнат Романович. Но у нее все документы были в наличии и оформлены, как полагается. В страховку она вписана. Так что проблем не возникло. Да там и повреждения-то были, можно было нас не вызывать, а обойтись европротоколом.

— Нам нужен адрес этого Пудовкина Игната Романовича.

— Так я его адрес не знаю. Игорь Артурович, вы же знаете, в аварии виновато лицо, управляющее транспортным средством. Протокол выписан на это имя. Если вам нужны какие-то сведения о владельце, вы можете обратиться к водителю.

— Хорошо, а копию протокола мы можем получить?

— Только завтра.

— Отлично. Я дам вам свою почту.

— Пишите. Но я в отделе буду не раньше десяти.

— Ничего страшного, нас вполне устроит. — Семенов достал из кармана ручку, взял из держателя салфетку и быстро написал свою почту. — Вот, держите. И спасибо вам за разговор.

— Да не за что. — Аничкин поднялся, улыбнулся Лизе и направился к выходу.

Семенов кивнул официантке, которая уже пару раз порывалась подойти к их столику, но остановленная его взглядом, нетерпеливо топталась у барной стойки.

— Давайте поужинаем, а то все уже остыло.

Кухня в этом заведении оказалась на высоте. Форель была настолько нежной и вкусной, что Лиза и вспомнить не могла, где еще она ела подобную. Даже то, что блюдо уже слегка остыло, не портило общего впечатления.

— И что мы будем делать дальше? — Спросила Лиза с набитым ртом.

— Завтра сможем к этой виновнице аварии... кстати, мы даже не спросили, как ее зовут. Впрочем, это не столь важно. Ее имя будет в протоколе. Узнаем ее адрес, подъедем, поговорим. Она нам расскажет, где живет владелец машины и мы отправимся к нему. Надеюсь, уже завтра все прояснится.

Отчего-то слова Семенова ее совсем не убедили. Лиза вдруг начала сомневаться, что они вообще раскроют это дело. Она совсем не разделяла оптимизма Игоря Артуровича. Нет, она не отказывается ему помогать. В конце, концов, ее любопытство никуда не делось. Оно по-прежнему с ней и продолжает задавать вопросы, на которые у Лизы ответов нет. (Она очень хотела верить, что это единственная причина, а все остальное — глупость, которую нужно как можно скорее выбросить из головы). Так что из дела она выходить не собирается. Впрочем, она к нему официально никаким боком. Но если уж Семенов готов посвящать ее в детали... Лиза поедет завтра с ним к этой виновнице аварии. Вот только ей вдруг отчего-то стало беспокойно на душе. Будем надеяться, что с этой, пока неведомой им женщиной ничего не случилось.

Вопреки нехорошему предчувствию, с Горской Светланой Адамовной ничего не случилось. Она вполне себе здравствовала и процветала. Судя по дому, в котором обосновалась тетка, даже очень так процветала.

Лиза, конечно, знала про эту элитную высотку, возведенную лет пять назад в самом центре их городка, но знакомых, живущих здесь, у нее не было. Это сколько же нужно зарабатывать (ну, или получать, тут уж как фишка ляжет), чтобы позволить себе квартиру в подобном доме? Уж точно не стандартную зарплату госслужащего. Здесь метр жилья стоит, как целая квартира где-нибудь на окраине.

Вон, даже фасад смотрится внушительно и «дорого». Да и попасть на территорию жилого комплекса просто с улицы не получится. Дом обнесен решетчатым забором, а по периметру разбросаны камеры. Похоже, здесь есть не только консьержка в подъезде, а полноценная охрана. И площадь квартир там приличная, студий в двадцать квадратов точно нет. Лиза знает, так как видела рекламу этого ЖК в журнале. Квартиры распродавались еще на этапе строительства и активно рекламировались.

Где же трудится эта самая Светлана Адамовна, что может позволить себе подобную квартиру? И если она может себе позволить такую квартиру, почему ездит на чужой машине? Или это не чужая машина, а, например, мужа, или любовника? Он же и квартиру купил. Впрочем, что гадать, скоро они все узнают.

На территорию ЖК они с Семеновым попали без труда, просто показав удостоверение в камеру. Видимо brave парни, охраняющие ЖК от посторонних, по долгу службы непрерывно

пялились в камеру. Замок тут же шелкнул, пропуская их на территорию. Консьержка тоже оказалась в наличии. Она сидела в специальной будочке, оборудованной всем необходимым для многочасового времяпровождения.

Внутри их встретил огромный холл, отделанный мрамором, уставленный кадками с живыми цветами. В дальнем конце холла располагались двери лифтов и широкая лестница с коваными перилами.

Семенов и Лиза уже хотели было двинуться к лифту, когда консьержка встала, что называется, грудью на их пути. Не зря, похоже, она свой хлеб есть. Голос у женщины был сухой и довольно-таки строгий.

— Молодые люди, можно удостоверение посмотреть.

Видимо, охрана ей уже сообщила, кто они такие.

— Конечно. — Семенов привычным жестом вновь раскрыл «корочки».

Женщина внимательно прочла текст.

— Игорь Артурович. Майор. Могу я узнать, в какую вы квартиру?

Лизино удостоверение женщину, видимо, не интересовало. Во всяком случае, она его не попросила. Она вообще ее игнорировала, обращаясь только к Семенову. Лиза про себя даже подумала, что та какая-то женоненавистница.

— В двести пятую.

— К Горской?

— Да. Нам нужна Горская Светлана Адамовна.

Женщина смотрела на Семенова во все глаза, даже не мигая. Она была совсем не похожа на тех бабулек, которых обычно можно было увидеть в подъездах. Совсем еще не старая, всего-то около сорока, с цепким взглядом внимательных глаз. Лиза отчего-то решила про себя, что эта женщина раньше работала в системе исполнения наказаний. Не в МВД, а именно в СИЗО или тюрьме. Уж слишком специфичный взгляд.

— А Светланы Адамовны нет дома.

— Вы так хорошо осведомлены о личной жизни жильцов. — В голосе Семенова Лизе послышалась легкая насмешка.

Но женщина ее не оценила.

— Это моя работа.

— Тогда, может быть, подскажите, когда Светлана Игоревна будет дома?

— Конечно, подскажу. — Ан, нет, Лиза ошиблась. Тетка отлично «считала» иронию в голосе Игоря Артуровича и даже успела обидеться. Именно поэтому ее тон стал столь официальным и одновременно насмешливым. Ведь пришла ее очередь иронизировать. — Месяцев через шесть. Если вы оставите номер телефона, я вам позвоню, сообщу о ее прибытии.

Лицо у тетки при этом оставалось абсолютно бесстрастным.

— Через шесть месяцев? Она что в колонии?

На этот раз тетка усмехнулась в открытую. Усмешка неожиданно несколько смягчила ее черты, и Лиза поняла, что тетке скорей к пятидесяти, но она изо всех сил следит за внешностью.

— Почему же сразу в колонии? Она покинула страну. Уехала в длительную командировку по работе. Светлана Адамовна переводчик. Свободно говорит на английском, итальянском и арабском.

Ничего себе! А Аничкин сказал, что она заикается. Похоже, это дело их еще не раз удивит.

— И куда она направилась?

— Вот этого не скажу. Моя зона ответственности — квартира. Она, как полагается, уезжая оставила ключи, чтобы можно было поливать цветы. Светлана Адамовна любитель растений, у нее их целый сад. А перед этим мы вместе с хозяйкой поднялись в квартиру, перекрыли стояки, отключили электричество.

— Раз так, то получается, что Горская живет одна?

— Одна.

— В трехкомнатной квартире?

— Почему в трехкомнатной? У Светланы Адамовны двушка.

— Все равно многовато для одной.

— Вот это не мое дело. — Лиза видела, что только профессиональная выдержка помогает сейчас консьержке держать бесстрастное выражение на лице. Слова звучали сухо, словно женщина их не говорила, а выплевывала. — Имеет полное право. Это не муниципальные квартиры, распределяются не по ордеру с применением норматива на проживающих. Раз Светлана Адамовна решила, что может себе позволить, значит, так тому и быть.

— Вы абсолютно правы. Я не в том смысле. Может, к ней в квартиру кто-то ходил? Я имею ввиду мужчину...

— Я поняла, что вы имеете ввиду, но сплетен про жильцов не распространяю. Вам нужна Светлана Адамовна. Ее нет. Если у вас все, лучше вам покинуть помещение. Жильцам не нравится, когда в холле толпятся посторонние.

— Так никого же нет. — Семенов демонстративно огляделся и улыбнулся, пытаясь шуткой разрядить обстановку.

Но женщина не повелась.

— Сейчас нет, а через минуту войдут. Тем более, мне больше нечего добавить.

— Еще один вопрос. — Семенов не собирался сдаваться так быстро. — А в каком именно агентстве работает Горская? Может, вы знаете?

— В «Александрии». — Неожиданно мирно ответила тетка. — Это на соседней улице. К ней часто курьер оттуда приходил. Приносил какие-то бумаги. Я не раз видела его удостоверение.

Аудиенция была окончена. Делать в подъезде им больше было нечего. Лиза даже расстроилась. Она-то совсем по-ребячески хотела прокатиться в местном лифте. Он здесь был настолько помпезным, что мог сравниться с лифтами самых дорогих опелей столицы. Ну, если верить рекламе в журнале, конечно. Но чего бы ей не верить! Однако, не сложилось.

Уже за воротами Семенов спросил:

— Ну, что, пройдемся пешком. Эта «Александрия» и в самом деле рядом. Я там был пару раз. Нужно было кое-какие документы перевести.

— Давайте. — Лиза была вовсе не против. Каблуков она принципиально не носила, только ботинки на плоской подошве, а погода сегодня для прогулок самое то. Осадков не предвидится, но и не так, что б очень жарко.

Но один вопрос ее все-таки интересовал.

— Помните, Аничкин сказал, что тетка за рулем заикалась. Но разве переводчики-заики бывают?

— Не знаю. Вот сейчас придём в агентство и спросим.

Агентство «Александрия» было, пожалуй, в их городке ведущим в области предоставления подобных услуг. Когда-то, когда оно только начинало свою работу, вся кантора ютилась в съемных комнатухах в подвале соседнего дома. Но потом агентство как-то быстро развернулось и отстроило вот этот самый двухэтажный особняк в пешей доступности от самого центра города. Построенный в стиле ар-нуво, особняк этот в лучшие годы поражал красотой и великолепием. Асимметричность композиции, плавные, похожие на лианы линии в конструкции, использование кованых элементов, витражных арочных окон, все это придавало ему особый шарм. Лиза помнила то время, когда непосредственно «Александрия» занимала оба этажа здания.

Но сейчас дела фирмы, видимо, шли не так хорошо. Иначе чем объяснить, что весь первый этаж теперь занимают какие-то не связанные с «Александрией» конторки. На фасаде

красуется множество рекламных щитов. Салон красоты, аптека, даже интим-магазин. Эти конторки загнали «Александрию» на второй этаж. Похоже, переводы нынче не приносят ощутимой прибыли, вот хозяин и подсуетился, сдал в аренду часть помещений. Место-то здесь «сладкое», что называется, «проходное».

Впрочем, попасть в само агентство оказалось не так просто. Дверь на второй этаж щети-нилась кодовым замком. Семенов нажал на кнопку селектора. Ответили почти мгновенно.

— Добрый день! Чем я могу вам помочь? — Звонкий девичий голос.

Лиза даже представила себе эту девушку. Длинноногая с ослепительной улыбкой во все тридцать два, отбеленных в хорошей стоматологии, зуба. Впрочем, представить ее не трудно, сейчас почти во всех фирмах на ресепшене сидит подобная. И где их только берут. Не иначе, как клонируют.

— Мы из полиции. — Семенов не стал ходить вокруг, да около, а сразу взял быка за рога.

— Нам нужно поговорить с вашим начальником.

— А начальника на месте сейчас нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.